

СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н.

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА В СЛОВАРЕ. ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ

Как только метафора была осознана, вычленена из ряда других языковых явлений и описана, сразу возник вопрос об ее двоякой сущности: быть средством языка и поэтической фигурой. «Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения», — читаем у Цицерона [1]. Из этого высказывания видно, что именно языковая метафора первозданна и первична, однако в дальнейшем ученые пошли по пути исследования «украшений» и «знаков отличия» — вслед за Аристотелем, разработавшим поэтическую теорию метафоры, — и так вплоть до XX в., когда метафора впервые была выведена из области поэтики и описана уже не как фигура художественной речи, а как феномен языка.

Сейчас никем не оспаривается существование двух типов метафор — поэтической и языковой; первая является объектом поэтики и одной из ее основных эстетических категорий, вторая исследуется в лингвистике и понимается как комплексная проблема, имеющая отношение к разным специальностям: лексикологии, семасиологии, теории номинации, психолингвистике, лингвистической стилистике.

Различия между языковой и художественной метафорой могут быть сведены к следующему. Семантически различия в том, что языковая метафора отражает очевидный признак (*кисель* — липкая грязь) или выражает «ходячие коннотации» (*осел* — упрямый человек) [2]. В художественной метафоре происходит сближение самых отдаленных сущностей, устанавливается нетривиальное подобие (так как из бесчисленных связей между элементами реальной действительности избираются самые неявные), что придает такой метафоре алогичный характер и создает впечатление семантической аномалии [*Глухая вобла воображения* (Маяковский); *Стекло стрекоз сновало по щекам* (Пастернак); *Приливы и отливы рук* (Мандельштам)]. Различия в номинативном аспекте таковы: языковая метафора воспроизводима, в то время как художественная представляет собой единственный акт наименования. Это в свою очередь обуславливает их функциональные различия: языковая метафора выполняет коммуникативную функцию, художественная — эстетическую. Таковы различия языковой и художественной метафоры в разных аспектах.

В последние десятилетия языковая метафора всесторонне исследуется лингвистами. В отечественном языкознании, кроме известных фундаментальных работ Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, В. И. Королькова, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелева, лингвистическую теорию метафоры в совокупности составляют материалы многочисленных статей, посвященных

частным проблемам: месту метафоры в семантической структуре слова, соотношению денотативного и коннотативного компонентов в метафорическом значении, синтаксическим позициям, сочетаемости, функционально-стилистическим и экспрессивным особенностям и т. д. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях обращает на себя внимание взгляд на метафору как на нестандартное языковое явление, противостоящее стереотипности и не подчиняющееся логике. Еще Ш. Балли считал, что метафорические сближения «обычно основываются на смутных аналогиях, порой совершенно нелогичных» [3]. Н. Д. Арутюнова также характеризует языковую метафору как «постоянный рассадник алогичного в языке» [4]. Х. Касарес, описывая фигуральные выражения в словаре, отметил непредсказуемый и нелогичный характер метафорического переноса: по-испански высокого худого человека называют «вермишель». «Почему не проволока?» — недоумевает Х. Касарес и не находит ответа [5] на этот, как и на другие подобные вопросы. В генеративной семантике с точки зрения логико-лингвистического анализа и с позиции теории референции метафору вообще относят к разряду «аномалий» и «ненормативных» семантических явлений [6]. Крайнее выражение подобных воззрений содержит взгляд на метафору как на пережиток древнейших языковых форм, как на отражение первобытных категорий причины, связанных с так называемым «прелогическим» или (в терминологии Л. С. Выготского) «комплексным» мышлением [7, 8]. Известна, впрочем, противоположная точка зрения, согласно которой метафора вообще не может быть соотносена с архаическим образным словом, бывшим таковым «по необходимости», — оно отражало образ предмета в целом, вместе со всеми его качествами и функциями, и такая образность исключала метафоричность, т. е. ассоциативность и двоякий смысл. Иными словами, образность языка на архаической стадии развития была явлением принципиально иным, чем образность современных языков [9, 10].

«Нелогичность» метафоры особенно отчетливо обнаруживается при сравнении с метонимией; регулярность которой такова, что дает основания безошибочно предугадывать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении. Так, регулярный метонимический перенос «помещение — люди, находящиеся в этом помещении» (*Вся школа вышла на субботник; Зал встает* и т. п.) можно моделировать применительно практически к любому слову, обозначающему некое вместилище, в котором могут (или могли бы) находиться люди: *вагон, магазин, салон* (самолета) и т. п., — настолько очевидна и постоянна близость («смежность») реальных, объединенных в метонимическую пару.

Метафора имеет другую природу. Врожденное чувство аналогии заставляет человека отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями. При этом нам действительно не удастся обнаружить закономерностей в процессе образования каждой конкретной метафоры. В самом деле, почему русское коллективное языковое сознание избирает для обозначения и характеристики высокого худого человека такую реалию, как *жердь* (ср. польск. *dyl* «половица», исп. *fideo* «вермишель»). И почему такие общеизвестные свойства лошади, как физическое совершенство и способность к стремительному бегу не трансформировались в коннотацию, формирующую переносное значение, а, наоборот, коллективным языковым сознанием были объективированы совсем другие признаки: «неповоротливый», «неуклюжий»? Вероятно, объективные причины выбора того или иного признака

Все же есть — иначе как объяснить способность метафоры выражать «устойчивое подобие», одинаково воспринимаемое всеми членами языкового коллектива (Н. Д. Арутюнова), — но эти причины не лежат на поверхности, а скрыты в сути вещей.

Итак, очевидно, что источник метафоризации часто непредсказуем, а мир ассоциаций, формирующих семантическое переосмысление, практически беспределен, поэтому не удивительно, что совокупность языковых метафор на первый взгляд представляется беспорядочным хаосом, не поддающимся систематизации.

Тем не менее языковая метафора широко представлена в толковых словарях: едва ли не каждое многозначное слово содержит переносные значения и оттенки (известно, что по лексикографической традиции помета «перен.» ставится не при всех видах переносов, а только при метафорических [11]). Следовательно, будучи описана в словаре, языковая метафора эмпирически уже систематизирована и классифицирована — ведь словарь не может оставить за пределами систематизации ни одного своего элемента. Как же разрешается противоречие между систематизирующей функцией словаря и сущностью метафоры, казалось бы, противостоящей стереотипности?

Это противоречие снимается, если при анализе отчетливо разграничивать динамику и статику языковой метафоры. Под динамикой понимается сам процесс метафорического переосмысления, проявляющийся в выборе того, а не иного признака (или комплекса признаков) как символа переноса. Говоря о статике, мы имеем в виду уже сформировавшуюся и функционирующую в языке метафору. Идея такого разграничения, известная в лингвистических работах и отчетливо сформулированная В. Н. Телией, представляется чрезвычайно продуктивной для дальнейших исследований: разграничив динамику языковой метафоры (процесс ее образования) и статику («готовое» семантическое образование), а также определив отнесенность каждого из этих явлений к той или иной сфере исследования (динамику исследует лексическая номинация, а «готовое» значение — семасиология) [12], мы тем самым разделим в языковой метафоре «нелогичное», непредсказуемое и не всегда объяснимое, с одной стороны, и «логичное», стандартное и потому поддающееся систематизации, с другой. Первое всецело относится к динамике образования метафоры, второе — к «готовой» метафоре. В «готовой» метафоре легко обнаруживаются «предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих» [13]. Именно «готовая» метафора — объект описания словаря.

Как объект лексикографического описания метафора до сих пор не привлекала должного внимания. В отдельных немногочисленных работах, посвященных этой теме, либо ставились сугубо практические задачи словаря — разграничение и квалификация живой и генетической метафоры, переносного значения и образного употребления слова [14], либо выдвигалась проблема образной реализации слова, описанной в толковом словаре литературного языка, т. е. объектом исследования избиралась переносность, связанная непосредственно со сферой художественной речи, образцы которой широко и разносторонне представлены в Словаре русского языка в 17-ти томах [15], либо делалась попытка описать стадии развития языковой метафоры и этапы ее формирования, зафиксированные, «застывшие» в семантической структуре словарной статьи [16].

В исследованиях, посвященных метафоризации значений, обычно используются самые общие схемы переносов: живое → неживое; живое → живое; неживое → живое; конкретное → абстрактное. Кроме того, были

описаны некоторые общие закономерности: физическая лексика служит для характеристики психических состояний человека, атрибут предмета преобразуется в атрибут абстрактного понятия и т. п. [4, с. 165 и сл.].

Наша задача — обнаружить и описать все возможные типы и направления переносов в языке в их взаимной связи и зависимости. Для этого были использованы материалы Словаря русского литературного языка (в 17-ти томах) с привлечением данных других словарей. Рассмотрены метафорические существительные.

Ассоциативный признак, служащий основанием метафоризации (а в некоторых случаях это может быть совокупность признаков, создающих единое впечатление), мы называем с и м в о л о м п е р е н о с а. Этот рабочий термин удобен потому, что связывает субъект и объект метафоры и представляет их в единстве. Ведь признак, который в семантической структуре исходного слова является коннотативным, существует в виде «потенциальной семы», в метафорическом слове выдвигается на передний план и становится ведущей, дифференциальной семой [17]. Таким образом, символ переноса — это коннотативный признак исходного слова, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафоры.

В ходе анализа было выделено шесть глобальных семантических сфер (представляющих как область вещественных сущностей, так и область абстракций), в пределах которых и совершаются метафорические переносы.

I. О б ъ е к т ы р е а л ь н о й д е й с т в и т е л ь н о с т и: 1) совокупность неодушевленных предметов; 2) мир животных; 3) человек во всех аспектах своей сущности и существования.

II. А б с т р а к т н ы е п о н я т и я: 4) физические явления и процессы; 5) психические явления и процессы; 6) отвлеченные категории.

Оказалось, что метафорический перенос в языке подчинен достаточно жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Самый элементарный случай метафоризации — перенесение наименования с одного предмета на другой, когда символ переноса, отражая эмпирический, чувственный признак, обозначающий форму, размер, цвет, консистенцию и т. п., формирует перенос типа п р е д м е т → п р е д м е т. *Каша* — полужидкая масса (*снежная каша; бетонная каша*). *Кисель* → вязкая полужидкая масса (*кисель дороги; колеса увязли в киселе*). *Конура* → тесная, неудобная комната (*поселиться в тесной конуре*). *Корыто* → судно, лодка, непригодная для плавания (*утонешь на этом корыте*). *Крошка* → предмет маленького размера (*деталь-крошка*).

Близок к этому типу переноса (хотя и не так продуктивен) другой тип: ч е л о в е к → ч е л о в е к. Признак лица, наделенного какими-либо особенностями, переносится на другое лицо, характеризуя его. *Актер* → притворщик [*Ты всегда был немножко актер* (Гончаров)]. *Барин* — тот, кто уклоняется от труда, перекладывая свою работу на других [*Батманов... уж очень был параден... — Наверно, позер и барин, — невесело подумал Алексей* (Ажаев)]. *Идиот* → ограниченный, тупой человек [*Через все его (Блока) пьесы — от «Балаганчика» до «Розы и креста» проносятся целые стада идиотов, которые блеют тошнотворные слова* (Чуковский)]. *Иезуит* → лицемер [*Ты иезуит: показывая при людях к ней [жене] ласковость и доброту, ты мучил ее ревностью* (Писемский)]. *Именинник* → герой дня [*Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предложения Бориса Зиновьевича. Все трое почувствовали себя именинниками* (Гранин)]. *Клоун* (актер, паяц, фигляр, шут) →

тот, кто кривляется, ломается с целью вызвать смех [*Клоун, паяц, грошовый актер, — сказал он вслух... Да что это? Из меня прет какое-то паясничание* (Бондарев)]. *Коновал* → невежественный врач [*Человек, лечившийся в столице даже у очень дурного врача, считает, что на периферии к его услугам одни коновалы* (Павленко)]. *Королева* → женщина, выделяющаяся своей красотой [*Вот это так подобрал [жену]. Это же королева!* (Егоров)].

Эмпирические признаки, как мы видим, утрачивают свое значение, и на передний план выдвигаются рациональные — обусловленные социальным положением лица (*королева*), профессией (*артист, клоун*) или ситуацией (*именинник*). В названных группах переосмысление происходит в пределах одной категории денотатов — неодушевленных предметов в первом случае и людей — во втором. Символ переноса совершает самый короткий путь — один шаг от исходной реалии до «именуемой».

В следующей группе субъект и объект метафоры также достаточно близки, хотя и относятся к разным семантическим разрядам: признак животного характеризует человека. Тип метафоры *ж и в о т н о е* → *ч е л о в е к* играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (исключения единичны: *голубь, орел, лев* и др.). *Баран* → «бестолковый»; *бирюк* → «угрюмый, нелюдимый»; *ерш* → «задира»; *жук* → «ловкий, плутоватый»; *змея* → «коварный, хитрый, злой»; *индюк* → «глупый, заносчивый, надменный»; *ишак* → «упрямый или глупый»; *кабан* → «грузный, толстый»; *клуша* → «неуклюжая, неповоротливая или перьяшливо одетая»; *лиса* → «хитрый»; *медведь* → «неловкий, неповоротливый, неуклюжий»; *петух* → «задира, забияка, драчун»; *рыба* → «бесчувственный, холодный»; *червяк* → «ничтожный, презренный»; *щенок* → «молодой, неопытный» и т. д. Животный мир дает очень большое число коннотаций, при этом метафорическая характеристика может быть не только одноплановой, когда в метафоре реализуется один признак (*лиса* → «хитрый»), но и разноплановой, когда символ переноса содержит несколько признаков (*индюк* → «глупый + заносчивый + надменный»), а в отдельных случаях в процессе метафоризации участвует целый набор символов переноса, создавая дифференцированные характеристики: *свинья* 1) «неопрятный»; 2) «низменный»; 3) «невежественный»; 4) «непорядочный»; 5) «неблагодарный». При этом даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть широкий диапазон «зооморфных» характеристик: это может быть подобие внешнего вида (*клуша*), характера поведения (*петух*), свойств личности (*индюк*) и т. п.

На дальнейшем пути абстрагирования символ переноса окончательно «отрывается» от исходной реалии и «прикрепляется» к реалии другой семантической категории — признак неодушевленного предмета используется для оценки физического, психического или нравственного качества человека. Происходит процесс, противоположный олицетворению, когда физические качества неживой природы приписываются не только внешности (как следовало бы ожидать), но и духовному миру человека. Так формируется перенос *г и п а п р е д м е т* → *ч е л о в е к*. Случаи чисто внешней характеристики сравнительно редки: *каланча* → человек высокого роста [*В доме восемь дробь один У заставы Ильича Жил выскочек гражданин По прозванию «Каланча»* (Михалков)]. Обычно даже тогда, когда символ переноса отражает внешнее сходство, намечается тенденция к психологической характеристике. *Квашня* → неповоротливый, медлитель-

ный человек [*Пять минут сбегать, а ты полчаса ползешь! Квашня!* (Вересаев)]. *Колода* → неповоротливый, неуклюжий человек [*А сам думает на Костылина: «И черт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел»* (Л. Толстой)]. *Кряж* → крепкий, коренастый, здоровый человек [*Ешь, Фомушка, ешь! Вишь, какой кряж вырос! Есть куда хлеб-соль класть* (Салтыков-Щедрин)]. Значительно чаще признак предмета используется для характеристики психического или нравственного качества человека: *кремень* → человек сильной воли, твердого характера [*Он далеко пойдет с такой волей.— Действительно, парень — кремнь* (Саянов)]. *Кувалда* → грубая, неуклюжая или невоспитанная женщина [*Бабы фотьянские... ступить не умеют по-настоящему. Смешно на них глядеть-то: кувалды кувалдами супротив наших балчуговских* (Мамин-Сибиряк)]. *Кукла* → а) пустая, бездушная женщина [*Что вы нашли в этой глупой, ничтожной девчонке? Ведь я вас любила за ум, за душу, а этой фарфоровой кукле нужны только ваши деньги?* (Чехов)]; б) человек, слепо действующий по воле другого [*Бояре видели в самозванце свою ряженую куклу* (Ключевский)]. *Кипяток* → вспыльчивый человек [*Егорша схватил его за рукав.— Да погоди ты, кипяток!* (Абрамов)]. *Кисель* → вялый, бесхарактерный человек [*Она, брат, молодчина! Я даже не ожидал! Думал, кисель-девка, а она что надо!* (Е. Мальцев)].

На следующем этапе метафоризации преодолевается граница, извечно разделяющая мир объектов реальной действительности и мир абстракций. И здесь тоже самым мощным источником метафоры становится сфера предметов — именно из нее черпаются коннотации для наименования таких абстрактных категорий, как физические явления, психические явления и отвлеченные понятия.

Предмет → физическое явление. *Базар* → шум, беспорядок (*базар в классе; прекратить базар*). *Бойня* → битва, побоище (*кровавая бойня*). *Кабак* → безобразие, беспорядок (*кабак на улице; устроить кабак*). *Каскад* → быстрое чередование чего-либо (*каскад ударов; каскад звуков*). *Карусель* → быстрая, стремительная смена чего-либо (*карусель дел; карусель событий*). *Каторга* → непосильно тяжелый труд, тяжелая жизнь (*жизнь превратилась в каторгу*). *Комок* → спазм (*комки в горле*).

Предмет → психическое явление. *Грязь* → что-либо низменное, безнравственное (*грязь жизни; душевная грязь*). *Клеймо* → знак, свидетельство чего-либо порочащего, позорящего (*клеймо позора; клеймо на всю жизнь*). *Клубок* → запутанное сцепление, переплетение (*клубок противоречий; клубок мыслей*). *Клочки* (*обрывки*) → разрозненные, вырванные из целого куски, части (*клочки сновидений; обрывки воспоминаний*). *Хомут* → тягостная обязанность, забота (*надеть на себя хомут; снова этот хомут*). *Шпилька* → язвительный намек, двусмысленное замечание (*шпильки в разговоре*).

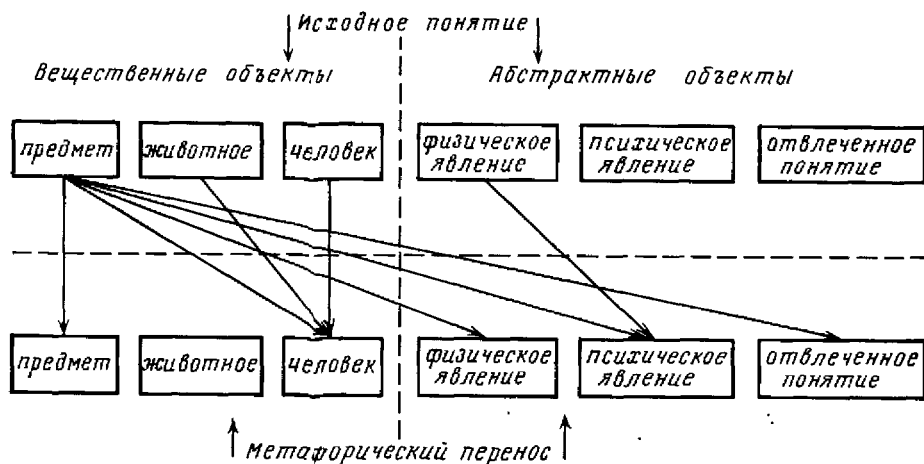
Предмет → отвлеченное понятие. *Груда* (*куча, гора*) → очень много (*груда дел, забот; куча новостей*). *Капля* (*крупница, крупинка*) → очень мало (*капля жалости*). *Изнанка* → скрытая отрицательная сторона (*изнанка жизни; изнанка факта*). *Канва* → основа, общие черты (*канва событий, канва романа*). *Каркас* → организующая, стержневая часть (*каркас сценария*). *Каша* → путаница, беспорядок (*каша в голове; сплошная каша*). *Козырь* → обстоятельство, факт, являющиеся преимуществом (*козырь в споре; козырь в борьбе*). *Тормоз* → препятствие, помеха (*тормоз в работе*). *Тупик* → а) безвыходное положение (*жизнь зашла в тупик; отношения в тупике*); б) состояние неразрешимых противоре-

чий (мысль зашла в тупик). *Цепь* → последовательный ряд (*цепь событий; цепь фактов*).

Возможен еще один тип переноса — в пределах абстрактных категорий: физическое явление → психическое явление. *Взлет* → активное проявление (*взлет творческой мысли; взлет фантазии*). *Взрыв* → внезапное бурное проявление (*взрыв смеха, негодования*). *Искра* (проблеск) → зачаток, признак (*искра любви, таланта; проблеск мысли, надежды*). *Комедия* — а) смешное событие, происшествие (*ну и комедия!*); б) притворство (*прекратите эту комедию*). *Крушение* → гибель, крах (*крушение надежд, планов*). *Пытка* → мучение (*жизнь — пытка*).

Итак, системный подход к языковой метафоре помог обнаружить следующие регулярные типы метафорического переноса: 1) предмет → предмет; 2) предмет → человек; 3) предмет → физическое явление; 4) предмет → психическое явление; 5) предмет → отвлеченное понятие; 6) животное → человек; 7) человек → человек; 8) физическое явление → психическое явление.

Каждая из выделенных семантических сфер является источником метафоризации и в то же время — как бы зеркально отраженная — ее объектом. При этом перенос совершается всегда в определенных, строго регламентированных направлениях (см. схему).

Таковы пути образования языковой метафоры. Такие типы переносов придают метафоре те свойства, которые и воспринимаются как «общеязыковые». Они воспроизводимы в процессе языкового общения и по своей регулярности могут быть причислены к семантическим моделям. По сути дела рассмотренные здесь типы метафорических переносов отражают сближение элементов действительности, характерное для коллективного языкового сознания. Другие типы переносов представляют индивидуальное языковое творчество и принадлежат сфере художественной (особенно поэтической) речи, например: животное → физическое явление [*Раненным медведем мороз дерет* (Асеев)]; животное → психическое явление [*Тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения* (Маяковский)]; человек → психическое явление [*Стих встает, как солдат* (Случкий)]. Более того, в художественной метафоре возможны переносы «справа—налево» и даже в направлении от абстрактных категорий к

конкретным, например: животное → предмет [*Мельница — бревенчатая птица* (Есепин)]; психическое явление → предмет [*Два крыла — как два огромных горя* (Заболоцкий)].

Интерпретированный с этих позиций материал дает основания для следующих выводов.

1. Языковая метафора, как и любая другая лексическая категория, подчинена определенным закономерностям, и эти закономерности носят системный характер. Система метафор в языке, подвижная и незамкнутая, как система лексики в целом предполагает дальнейшее дробление и установление внутрисистемных связей и отношений, таких, как объединение в тематические группы, в синонимические ряды и антонимические пары, в деривационные гнезда и т. д.

2. Между языковой и художественной метафорой существуют различия принципиального характера: языковая метафора образуется по строго регламентированным направлениям, только «слева—направо», от имени предмета к имени абстракции, при этом выбор источника метафоризации и символа переноса ограничен и связан достаточно устойчивыми нормами и закономерностями коллективного языкового сознания. Образование художественной метафоры свободно, не связано никакими канонами и совершается произвольно в любых направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цицерон. Об ораторе III // Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936. С. 216.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 288.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 221.
4. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 170.
5. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 124.
6. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. С. 53.
7. Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 430.
8. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 194.
9. Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // ИАН ОЛЯ. 1947. № 4. С. 310, 315.
10. Рифтин А. П. Категории видимого и невидимого мира в языке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1947. Вып. 10. С. 138.
11. Инструкция для составления «Словари современного русского литературного языка» (В 15-ти томах). М.—Л., 1958. С. 22.
12. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. С. 98, 152.
13. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 193.
14. Фельдман Н. И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. Раздел. 2. О различении переносных значений и образного употребления // Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957.
15. Ковтун Л. С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978.
16. Склярская Г. Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
17. Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 151—152.